

О НОВОМ ЖИЗНЕННОМ ИДЕАЛЕ ¹⁾

«Вы боги и сыны Всевышнего все».
(Из Евангелия).

«Было или будет — в этом все».
(Мережковский).

«Ужас, о котором еще не догадываются, больше чем он есть: что не грудь человеческая сгноила христианство, а что христианство сгноило грудь человеческую».
(Розанов).

Новая культура, новый человек, формы новой общественности, проблематика которых столь актуально встает на развалинах отошедшей России, становящейся, повидному, в этом отношении как бы опытным полем совр. истории, предполагают в качестве своей проэктивной идеальной первоосновы стихийное зарождение некоего нового мирозерцания, нового стиля жизни, намечающего общий строй, дух новой эпохи возможного развития.

Именно теперь следует настойчиво напоминать, что все народы, во все времена, не считая периодов упадка и разложения, имели тот или иной тип целостного мирозерцания и следовательно, тот или иной жизненный идеал, возвышавшийся как маяк над их повседневным текущим существованием. И этот порядок с точки зр. идеального существа человека представляется естественным, поскольку человек живет не только в природном миропорядке как предшествующий ему животный мир, но и в нравственном миропорядке, в «царстве целей». Такого целостного идеала уже не имеет человек совр. цивилизации, вместо которого ему предносятся многочисленные распыленные дробы; и тем менее его имеем мы, утратившие самую почву исторического существования. Отсюда, в этом отсутствии подлинного, мощного жизненного идеала причина того, что мы все такие безрадостные, вялые, идейно бесхребетные, изъеденные скепсисом, безверием и недоверием, бессильные что либо создать, чем либо вдохновиться. Такой идеал, пусть в виде пародии, смертельно-опасного суррогата, имеют большевики и в этом их сила: за неимением подлинного продукта спрос истории довольствуется суррогатом. И большевизм не будет преодолен, пока вместо этого его суррогата не будет предложен подлинный идеал жизни, устройства, соответствующий уровню и запросам новой, уже стучащейся в дверь эпохи.

Нас при этом не должна смущать широко разливающаяся стихия упадочно-материалистической депрессии, как с другой стороны, ча-

¹⁾ Данная статья, как и вступительная к ней в 1-м номере «Тр. Рос.», представляет собой некоторые выдержки из общей теор. работы автора, — отсюда некоторая фрагментарность в ее построении.

стичный возврат к архаическому христианскому идеалу: то и другое является естественным для больших переходных критических эпох, имеющих не только свою творческую положительную сторону, обращенную к буд. нов. миру, но и отрицательную сторону упадка и разложения, а также реакции, обращенную к разлагающемуся старому миру. В этом разрыве времен, в котором катастрофически сплетаются корчи распада и ужирания одного мира и потуги рождения нового, естественно, что все, еще не разложившееся, но малодушно бежит в прошлое, обозначая собой реакцию.

Итак, обретение нового жизненного и значит, нового общественного идеала, нового целостного мирозерцания стало назревшей культ.-исторической необходимостью. В творческом искании его и должны выражаться предчувствия и предвосхищение новой грядущей эпохи. Но в такого рода исканиях, в качестве папутствия, нам должно служить то соображение, что подобно тому, как, чем выше мы поднимаемся, тем шире раскрывающиеся перед нами горизонты, так, чем выше достигнутый человечеством уровень культурного развития, тем больше, значительнее должен быть объединяющий новый идеал жизни в качестве его завершающего творческого **Синтеза**. Современное же человечество достигло таких высот развития, что раскрывающиеся перед ним горизонты раздвигаются в бесконечность. — Стало, наконец, возможным ставить в качестве **человеческой** цели то, что лишь в качестве мифа смели воздвигать великие религии. Стало, наконец, возможным **титаническое мирозерцание**, как реалистический эквивалент мифического теологического мирозерцания.

Титан. идеал высшей совершенной общественности, фуританизма (в пределе «царства Божьего на земле»), полным светом загорающийся в наше время, имеет в своем основании два великих факта назревших к этому времени. Первый — негативный, состоящий в том, что древняя вековечная вера в «потустороннюю» совершенную жизнь, в «рай», в «царство небесное» и проч., которой в прошлом тысячелетия жили народы, удовлетворяя свои неугасимые идеальные запросы в реальности иной высшей жизни, стала больше невозможной в ослепительном свете того всепроникающего знания, которого достигло современное человечество. Отсюда небывалые размеры совр. атеизма, не знающего ничего подобного в прошлом, — частичное возрождение христ-ва — только временная реакция на материализм. Вследствии этого природные запросы в высшей идеальной жизни, которые неугасимы в человеке, поскольку в нем неугасимы потребности Истины, Добра и Красоты, не находя себе больше удовлетворения на этом теологическом пути, стали искать его в ином направлении. И они его нашли, благодаря второму великому факту, противостоящему первому, как положительная сторона стороне отрицательной, факту раскрывшихся безграничных возможностей человека здесь на земле, раскрывшегося божеского **могущества** человека. В результате весь гигантский резервуар идеалистических энергий, которыми тысячелетия у всех народов питалось теологическое мирозоз., ринулся в новое русло, в котором эти энергии будут питать грядущее титаническое мирозерцание. Разоблаченный мифический лже-сущий Бог с его объективом — «потусторонней» совершенной жизни («царства небесного») уступает свое древнее место реальному Становящемуся Богу, с его объективом осуществляющегося «царства божьего на земле». Вот вокруг этих двух фактов, точнее, двух сторон — негативной и положительной — одного факта и перевернулась ось мира. Стало невозможным больше

теологическое мирозоз., с одной стороны и стало, наконец, возможным титаническое мирозоз., с другой стороны.

Мир всступил в **реализационную** эру, осознаваемую как титаническое мирозоз. в отношении того **мифического** теологического мирозоз., в котором тысячелетия жили народы (миф обладает особой **идеальной** реальностью). И это стало возможным, повторяем, благодаря обнаружившимся безграничным возможностям человеческого могущества. На достигнутых высотах современного развития понятия возможностей утрачивают границы, уходят в беспредельность. Человек в принципе все может; человек в потенции — Бог. «Наше время может быть названо, пишет проф. Бицилли, эпохой достижений, результатов, свершений. Все, или почти все то, о чем с незапамятных времен, начиная с мифа о Дедале и Икаре, и кончая романами Ж. Верна, мечтало человечество, о чем фантазировали утописты, что пробовали делать колдуны, шаманы, маги, алхимики и астрологи, ныне претворено в действительность, стало предметом научного ведения и повседневной практики. Уже это одно может навести на мысль, что коллективный Фауст прошел свой жизненный путь до конца, и что человечество приблизилось к тому моменту, после которого, если не времени, то истории уже больше не будет». («Новый Град», № 2). При этом еще более существенна та невероятная геометрическая прогрессия, в которой возрастает это человеческое могущество. «За первые 30 лет двадцатого века, пишет Алданов (из «Послед. Нов.»), жизнь в бытовом и техническом отношении изменилась гораздо больше, чем за несколько тысячелетий предшествовавшей истории — скажем, от Соломона до Людовика 14-го». Следовательно, мы даже вообразить не можем, что будет уже через каких-нибудь 50 лет. И поскольку всякая тенденция требует установления понятия предела, то здесь такой предел из бесконечности Мирового Становления динамически несется к нам, как подлинный человек-Бог, могущий все и в этом своем божеском всемогуществе творчески полагающий реальное «царство божее на земле», высшее совершенное общечеловеческое, фуританизм.

Таков источник величайшей антитезы теологического и титанического мирозоз.: человек в возможности — Бог, человек все может — вот титаническое мирозозерцание; человек — раб, тварь, человек ничего не может — вот теологическое мирозозерцание. Моральный постулат первого — «ты можешь», второго — «ты не можешь». Отсюда все антитезы: немочи и могущества, смирения и гордости, уничижения и возвеличения человека, сознание человека-твари и сознание человека-Творца. Отсюда две свободы — негативная теологическая свобода отрешенности и положительная титаническая свобода могущества. Отсюда «царство божие на земле», которое надо **создать** и путь к которому **История**, Творчество-Труд, и «царство не от мира сего», которого надо «сподобиться» и путь к которому **аскеза**. Последовательно поэтому теологическое мирозоз., когда учит немочи и смиренню людей, точно так же, как для того, чтоб быть последовательным, титаническое мирозоз. должно учить могуществу и (метафизической) гордости людей. Человек ничего не может — там; человек все может — здесь. — Предельное уничижение и предельное возвеличение Человека. И это «человек все может» — должно стать проповедью, вестью, основанием новой морали, принципом исторического пути. Так обретена будет абсолютная точка опоры для реального преобразования мира. Все возможно, все дано, все в потенции есть. И все чаяния, мечты, надежды и упования сводятся к одной проблеме: **актуализации**, к проблеме Творчества-Труда. Так ста-

говится ненужным мифич. теолог. мирозоз. и возможным реалистич. титанич. мирозоз.; невозможным мифический Сущий Бог и духовно необходимым реальный Становящийся Бог, как реализующееся в Истории Абсолютное: Истина, Красота, Добро.

Теологич., как мифич. мирозоз., относит свои идеальные жизненные представления в прошлое и в «потусторонний» мир; титаническое, как реальное и реализационное, относит их в «посусторонний» мир и в будущее. Первое грезит, второе осуществляет, хотя в предмете они могут быть тождественными. Т. о., можно сказать, противопоставляя первое, соответствовавшее немочи человека, второму, соответствующему могуществу его и ставшему возможным лишь теперь, что теол. мирозоз. было вещим сновидением грядущего титан. мирозоз.; мифический Сущий Бог был сном о реальном Становящемся Боге. И надо было пройти через современную ослепительную эпоху знания, рационализма, чтоб наступило пробуждение. Но рационализм лишь прервал и рассеял это состояние теолог. сна человечества, в которое теперь напрасно пытаются его вновь обратить, задача же заключается в том, чтоб разгадать что же грезилось ему в эти тысячелетия вещих сновидений?

Ось мира перевернулась и в представлении о том, что есть все то, что есть: теологич. сознание всюду и во всем видит «тварность», ибо лишь Бог — «Творец», новое сознание всюду и во всем видит творчество. Титанич. идея Становящегося Бога — лишь абсолютизация этого универсального современного представления. Этот новый взгляд на мир так привычен, бесспорен и всеобщ, что мы даже не замечаем происшедшей великой перемены, ибо даже сопоставить его больше не с чем — так забыт, так изжит противоположный, «тварный» взгляд на мир. Человек не «тварь», как в теологическом мирозоз., а Творец — вот очевидность современного сознания и высший принцип нового титанического мирозозер. Но раз всюду и все творчество, то необходима и его результирующая идея объединяющий идеал. Таковым, естественно, и является высшая совершенная жизнь («царство божье на земле»), как основной предикат, как объективное выражение реальности Становящегося Бога. Все «тварность», или все творчество; все — «благодать, или все — «лостигижение» — в этом едва ли не наиболее непосредственное противопоставление теологич. и титан. мирозоз.; мирозозер., все изначально определяющего сущего, или всем определяемого Становящегося Бога, начала всех начал, или конца всех концов, данного во всей природе, или заданного во всей истории; предела пассивно механической причинности — первопричины, или предела активной телеологической причинности — последней цели. В первом представлении все от Него исходит; во втором — все к Нему стремится. Это и значит: все им творится или все, творит его. Титаническая идея Становящегося Бога есть интегральное понятие творческого преобразования мира, подвиг, содержание и путь которого есть История, подлинно реальный путь Спасения. В этом весь пафос, эрос и логос этой идеи. А с другой стороны, всякое помышление о творческом преобразении мира в своем развертывании необходимо ведет к утверждению этой идеи. Ведь путь и идеал преобразования мира есть осуществление идеального миропорядка («царства божьего на земле»), осуществление же этого идеала есть объективное выражение становления Бога.

Титан, мирозоз. — в воле к организации мира, в противоположность теологическому, которое зовет прочь от мира. Эта воля в известной степени была всегда свойственна человечеству, но лишь в на-

ше время она перерастает в своего рода мистерию, в религию Истории, исторического делания. Если это понятие не было очерчено благочестивой пачкотней теолога, то в известном смысле да, речь идет о строительстве «башни вавилонской», об этом оклеветанном символе творческого начала в мире, символе титанического Дела-Истории.

Ведь История — Восстание, стаповление Абсолюта, прометеевский подвиг Освобождения, Бунт. Самый сокровенный смысл идеи Становящегося Бога именно в обоготворении Истории, в утверждении того великого факта, что всякая история является **священной**. Ибо она — мистерия восстания Бога, становления Абсолюта, осуществления идеального миропорядка (в пределе «цар. б. на зем.»).

Нас не должен смущать сообщаемый анти-творческим, анти-историческим теологич. мирозерцанием одиозный смысл этому символу «Башни Вавилонской». Анти-историческое теолог. мирозоз. смерти не может принять исторического творческого усилия восстания жизни. Вопреки ему пад выполнением этого титан. замысла «башни Вавил.» волнуется уже весь современный мир, не осознавая еще смысла и цели своего творческого волнения, не понимая величия тенденции, которой подчинилась жизнь, освободившаяся от теологического мирозоз. С особой силой и пафосом эту «башню Вавил.» пытаются строить и большевики, но как и остальной материалистический мир вообще, они строят по существу только «леса» этой «башни», о смысле же и содержании строения они понятия не имеют со своим убогим, серым, материалистически оскопленным сознанием. Сделавшие все выводы из заканчивающейся эпохи, они безнадежно глухи и слепы к загорающейся новой эпохе, которая отнесется к последней, как к эпохе безнадежного материалистического идиотизма.

В противоположность титанич. мирозерцанию — этой религии Истории, побуждающему к предельному напряжению истории, бытия народов, ингилистическое теологическое мирозоз. по самой своей природе делает народы его исповедующие не историческими. Таков индусский мир, имеющий наиболее чистое, наиболее последовательное теологич. мирозоз. Такова эпоха средневековья, все же несомненно представляющая как бы некоторый провал в истории.

Наоборот, наше время именно в этом смысле особой «мистерией» Истории должно быть признано в высшей степени историческим. Теперь уже не жертвуют и не умирают на почве того или иного религиозно-теологического исповедания, но жертвуют и умирают на почве служения Истории, титанического исповедания, следовательно, не на почве служения сущему Богу, а на почве служения Становящемуся Богу. Строго говоря, до сих пор не было Истории. Было в собственном смысле случайное историческое существование или была история, т. сказать, объективно, но не было ее как субъективн. бытия. А в этом главное: бытие, которое не есть субъективное бытие, не есть бытие. И лишь в наше время заканчивается этот длинный, мучительный пролог Истории и загорается эра собственно Истории. Всякого рода движения, восстания, революции бывали всегда, но в том особом смысле, какой мы вкладываем в них теперь, они суть явления исключительно нашей эпохи. Разряжающийся в них мятежный Дух Истории — яведом иным эпохам господства призрачного теологического мирозерцания. Жизнь, как природа, не знает этих особых священных исторических бурь и ураганов, одухотворяемых Богом Истории, Становящимся Богом. И в этом именно дело. Исторические стихии вздымались и бушевали и в другие эпохи, но их не вдохновлял,

не одухотворял этот Дух Истории, делающий естественную стихию священной, процесс — мистерией. Вспомним хотя бы Велик. Фр. Революцию — ведь это была мистерия, а не естеств. явление

В свете такого мироз., которое, в противоположность теологическому, по существу, отрицающему Историю, видит в ней мистирию Восстания Бога, Всеисполнения, Всосуществления, в ином виде вырисовывается и смысл и значение государства, этого верховного субъекта истории. Бесконечные попытки построения концепции священного государства («теократии») на почве теологического, в частности, христианского мирозоз., представляют собой плод грубого недомыслия, «*contradictio in adjecto*». Лишь на почве титанического мирозоз. такая концепция священного государства вырастает сама собой.

Но подойдем к проблеме с более субъективной, внутренней стороны.

Над миром нависла темная угроза окончательного духовного угашения человечества в материалистическом идиотизме. Происходит какой то процесс расчеловечения человека, процесс общего катастрофического понижения человеческого типа и его психической емкости. В большевизме эта всюду разливающаяся материалистическая холуйская стихия приняла воинственный характер хулиганства, но и остальной мир все глубже погружается в эту всеоскопчивающую, угашающую стихию. Впереди — не творческий прыжок к сверх-человеку, а медленное сползание к какому то духовному обрубку, к какому то до-человеку. Ницшеанское «преодоление» человека действительно происходит, но не сверху, а снизу, на пути его расчеловечения.

И вот нужно признать, что конечная, последняя вина за это духовное угашение современного человечества, за эти сумерки хамства лежит на немошном примитивном и мертвом христианском идеализме, который, покрыв собою всякое представление о высшем начале мира, дискредитировал его, сделал предметом насмешки, глумления, снисходительности. Именно поэтому мы утверждаем, что спасение от угрозы материалистического угашения в подлинной Духовной Революции, в **новом идеализме**, который или придет, или мир окончательно оподлеет, оскотинится, оползет, потухнет в своем всесозидающем прометеевском пламени. Тогда, действительно, восторжествует тот муравейник неких безликих двуногих особей, которые теперь насильно насаждаются в России.

Но христианство дискредитирует это прометеевское начало духа, на представление которого оно незаконно взяло себе монополию, не только своим отталкивающим обликом трупа давно мертвой и окостеневшей или разложившейся религии. Оно онтологич. изначально, как последовательное теологическое мирозоз., есть религия дискредитации, уничижения и нигилистического отрицания начала духа. С самого начала оно пришло в мир со стремлением унижить, развенчать, очернить, обесславить это высшее прометеевское начало духа, начало титанич. мирозоз. Надо было, чтобы «Бог» «родился» в хлеву и «умер» на кресте: крест тогда знак позорной смерти, проведя свою «земную жизнь» в окружении слепых, калеки, прокаженных, нищих, юродивых, расслабленных, беснованных, хромых, всех тех, в ком уродуется, унижается, отрицается высшее жизненное начало, по самому существу своему гармоническое, прекрасное, величественное, мощное. И в этом — христианство; в этом оно, как религия, ибо оно и есть религия ни-

щих, юродивых, расслабленных, слепых, калек, бесноватых, убогих. Т. о. тех, кому есть все основания нигилистически восставать против «этого мира», против красоты, величия, гармонии, мощи. Нельзя себе даже представить Христа в окружении мужественных, гармонически организованных, духом могущих. И если бы к нему эти пришли, то ему бы нечего было им сказать; для духовно чуткого и правдивого сознания это очевидно. Является характерным для христианства, что обычно в нем образами совершенства выступают всякого рода «старцы» и редко юные; болезненные, расслабленные и редко здоровые; юродивые, «убогие», «странники» и редко великие, могущие, солнечные, прекрасные. Достоевский тип подлинного христианина должен был облечь в образ «Идиота», и это метафизически было необходимо. Ни чему так не враждебно и не чуждо христианство, как всякому проявлению величия. И основное в христианстве — этой подлинной религии нищих духом — попрание самого существа этого начала титанического миросозерцания, начала величия. Полятно, почему так поразительно мало проявления последнего в истории христианства, как такового, особенно в его православной ветви — наиболее ортодоксально-христианской. Не было почти великих людей христиан, а те, что ими были, были плохими христианами.

По самому существу своему, христианство, как религия нищих духом, точнее, религия духовной нищеты, есть религия духоборства, религия угашения, как и буддизм («шарвана» — санскр. слово, означающее «угашение»). И все христиане в этом смысле суть духоборы. Борясь с миром, стремясь его взорвать и разложить, христианство не ошибается в расчете, разлагая для этого и дискредитируя то высшее творческое организующее начало, которым держится мир. Так большевики, чтоб убить совр. культуру, обезглавливают и обездушивают ее путем морального и физического убийства ее интеллигенции.

Но христианство борется с высшим началом мира, прометеевским началом духа, началом не теолог., а титанич. миросоз. не только прямым путем, как религия нищих духом, как религия юродства и убожества, слабоумия и слабодушия, но как сказано, и косвенным путем всяческой дискредитации, очернения этого движущего, творческого, организующего начала мира. В своей духовной стороне, как явление небывалого духоборства, всеобщего снижения и принижения, большевизм есть и следствие и наследство христианства. Но там — нищий духом, а здесь — пролетарий духом: в большевизме «пролетарий» — не столько социальная, сколько духовная категория; там юродивый, а здесь хам. Мы поэтому в борьбе христианства и большевизма не должны становиться ни на ту, ни на другую сторону: борьба эта — борьба хамства против породившего его юродства. В отношении к христианству мы должны продолжать традиции мировой и нашей левой общественности, последовательно отрицая его. Но мы не должны, подобно ей, ограничиваться отрицанием, а творить новое **положит. миросозерцание**. Только так будет достигнут подлинный синтез между «правой» религиозностью и «левым» отрицанием исторической религиозности. При этом мы должны знать, что эра религий в собственном историческом смысле кончилась — в силу выше отмеченного великого переворота. И мы здесь не новую религию создаем, как нам приписывают наши критики, а боремся со всякой религией. Ведь теолог. миросоз. и есть в историческом смысле религиозное миросозерцание. Когда же мы говорим о «новой религии», то лишь в том общем смысле, в каком говорят о «религии прогресса», «религии большевизма», «религии красоты» и т. п.

Но больше того, как религия духовной нищеты, убожества, духовного нигилизма, религия униженных и униженности, христианства, восстав против сильных духом, внесло в мир ту духовную расслабленность, которую иногда называют достигнутым «смягчением нравов». Естественно, что в этом состоянии духовной расслабленности должна была расцвести гниль и грязь материализма. Не случайно именно в России, стране наиболее последовательного христианства, так развернулся большевизм — это явление самоуничтожения христианской цивилизации, этот прорвавшийся гнойник, вызванный христианством, это идеологизированное хулиганство. Сгноивши до-Петровскую Россию, православие в явлении Петра столкнулось с мощной революционной реакцией, благодаря которой только и стала возможной великая Петровская Империя, но реакция была временной и недостаточной — в результате процесс гниения пошел дальше, закончившись в финале большевистским гнойным половодьем.

Ту же нигилистическую работу угашения делает и буддизм («нирвана» — «угашение»), но буддизм делает это величественно, поэтично; христианство же, делает это грязно, клеветнически, борясь с организующим, творческим прометеевским началом духа путем его очернения, развенчания, обесславления. Оно это мятежное, творческое начало мира одело в омерзительную, расслабленную, немощную «плоть» мощеподобного рахитичного «бога». Естественно, что человечество должно было отшатнуться, как отшатнулась некогда солнечная, гармоничная, прекрасная античность, усмотрев в новой религии страшную язву, надвигающуюся на мир. И пусть не кичатся, что все же христианством была побеждена эта Античность: рак, напр., может сломить самый могучий и прекрасный организм. И если величайшее всем-истор. преступление христианства заключается в том, что оно дискредитировало высшее организующее начало мира, то столь же великой всемир-историч. проблемой является теперь проблема реабилитации этого начала, проблема подлинно Духовной Революции, без разрешения которой человечество окончательно духовно угаснет в материализме.

Но мы здесь, само собой разумеется, везде говорим об историческом христианстве и Христе, не касаясь «непроявленного» Христа и христианства, которого мы пока что попросту не знаем.¹⁾ И действительно, не без некоторого серьезного основания можно было бы сказать, что подлинный Христос был расят дважды — иудеями-теологами и теологами-христианами; первыми на Голгофе, а вторыми в церкви. Христос завещал религию победы над крестом, победы над смертью, а получилась религия креста, религия смерти. Христианство — религия распятия, а не воскресения, смерти, а не победы над ней. Замысел учения Христа, который христианство замолчало или извратило, был в том, чтоб возвестить, что человек есть Бог — в смысле титанич. мирозоз., а немощное рабское людское сознание перетолковало это в смысле теологич. мирозозерцания, в том смысле, что он есть Бог, «вылотившийся» в человеке. «Вы боги и сыны всевышнего все», — вот слова Христа. В этом же смысл и основного положения о «Бого-человеке». Ему соответствует древнее индусское учение, провозгла-

¹⁾ «Неохристианство», напр., Бердяева и Мережковского это просто не-христианство, а нечто большее, — действительно, некое «новое рел. сознание». Как это часто бывает, особенно с людьми такого масштаба, они выше того, чем сами себя считают.

шавшее: «Атман есть Брахман», т.-е. человек есть Бог. И таков был первоначальный замысел всех великих религий человечества. Все они начинали с предельного божеского возвеличения человека, а кончали предельным рабским уничижением его. (См. теологич. мерзости в этом смысле совр. школы Барнаста). И теперь перед лицом соврем. последнего уничижения, упадка и разложения человека мир вновь стоит перед новым духовным усилием божеского возвеличения его. Тогда в соответствии со смыслом времени надо бы провозгласить, что Истина не в смирении, а в возвышении: не в том, что Бог становится человеком — христианское теолог. миросоз., а в том, что человек становится Богом. И следовательно не Богочеловек, а Человекобог. В этом большой гений Достоевского, хоть и в извращенных патологически соотношениях, прозревал подлинные просветы новой зари. Тогда кончится эра рабства, немочи, убожества человека и придут новые духовные вожди человечества, которые будут учить людей не смиренности, а (метафизич.) гордости, не уничижению, а величию; когда будут молиться с поднятой головой, и эта молитва будет молитвой к Становящемуся Богу.

Но Христос и еще сказал в духе титанич. миросоз., говоря о себе «сын Человеческий», а не «сын Божий». Когда же он говорил последнее о себѣ, то в том смысле, что каждый человек есть сын Божий. («Вы боги и сыны Всевышнего все»). Замысел Христа был замысел Прометея — вечный замысел человеческого гения преобразить мир («кого-то пришел я низвести на землю»), потому и судьба его была аналогична судьбе последнего: один был прикован к камню, а другой пригвожден к кресту. И это явится очередным торжеством теологич. миросоз. тьмы, рабства и немочи человека над титанич. миросоз. света, могущества и свободы его. Наше время — эра нового восстания титанического миросозерц. и, верим, на этот раз и эра торжества его.

Мир изначала стремится восстать к Бодрствованию. История и есть выражение этого состояния Бодрствования. Творчество-Труд, эти основные категории титанического миросозерц., суть также основные определения названного состояния. Наше время — эра окончательного наступления этого титанич. состояния Бодрствования, окончательного пробуждения от изначального, теологически освящаемого состояния сна, смерти, нирваны, небытия.

До сих пор короткие, дневные эпохи сменялись вновь и вновь длительными ночными эпохами. Еще слабый, немощный, довлеющий земле человек не выдерживал длительного божеского состояния Бодрствования. Мы присутствуем в моменте окончательного пробуждения, — если нас мигнет вновь надвинувшаяся на мир опасность теолог. погружения. Ибо мир действительно, вновь стоит перед угрозой нового средневековья.

В соответствии с этим теолог. миросоз. является миросоз. угашения, тьмы, нирваны; титаническое — миросоз. пламенности, возжигания, огня. Первое — ночное, второе — дневное, это — солнечное, то — лунное, призрачное, мифически отраженное. Эрос теологич. миросоз. — в **погружении**, в покое, в покорности; титанического — в **Восстании**, в движении, в Бунте. И потому История, которая есть Восстание, Освобождение, Бунт, бунт против пространственно-временной необходимости, разгорающееся пламя прометеевского огня, есть восстание Абсолюта, Становящееся Божество, осуществление высшего начала света, бодрствования, Творчества-Труда. Следовательно, она есть Путь титанич. миросозерц.

Т. о., со всем сказанным соотносительна антитеза покоя и движения, полным переворотом в которой отмечено наше время. Достигающий предела покоя, познает бездвижное теологич. мирозоз., достигающий предела движения, познает динамич. титаническое мирозоз. Наша эпоха, достигнув небывалой динамичности близится к мироощущению последнего. Культ движения, культ темпов, столь характерный для нее, есть проявление духа титанического мирозоз. Есть начало божественности и в состоянии предельного покоя, и в состоянии предельного движения — и дело именно в этой предельности. Но в первом это начало призрачно, как призрачно вообще состояние покоя; во втором оно — реально, ибо в основе бытия — движение; сама наша солнечная система находится в состоянии невыразимого движения. Предмет, способный в движении поддерживать вертикальное положение, положение жизни, бодрствования, будучи остановлен, падает, ибо — это элементарно, что жизнь — движение, покой — смерть. «И кто сказал: «я есмь», — покой отринул». Именно поэтому теологич. мирозоз., как нигилистическое, призывает к покою, титанич. — к движению. Переворот, который происходит в смене старого векового теологического мирозоз. новым грядущим титаническим, совпадает с этим, прошедшим как-то метафизически не оцененным переворотом во взгляде на соотношение движения и покоя. Изначально нормальным, основным, первичным состоянием считалось состояние покоя, а движение — лишь состоянием частным, вторичным, несущественным. Но современное новое научное сознание, утверждая покой, как лишь частный случай движения, заставляет их поменяться местами: теперь движение есть состояние нормальное, основное, первичное, а покой — частное, вторичное, производное. Создается, т. о., как бы новый состав мира: то, из чего все «состоит» не есть больше покой, вещество, материя, а движение, энергия, сила. Первофеномен мира не есть больше атом, а некий комплекс сил — нечто динамичное, стремящееся, движущееся.

Так родилась новая «плоть» нового Бога, Становящегося Бога, так возник новый космос, мир, как История, на месте мира, как Природа, требующий в качестве своей души, этого нового Бога. И если принцип предметно-вещественного покоящегося мира, мира, как Природа, есть пространство, то принцип стремящегося, динамического мира, мира, как История, есть **время**. Следовательно, центр тяжести бытия переносится из отношения пространства в отношении времени, — его категориями и надо оперировать, чтоб теперь ориентироваться в проблемах бытия. Если прежде человек все видел в категориях бытия переносится из отношений пространства в отношении времени — первичнее пространства, а следовательно, и искать он должен теперь Последнее, а он его вечно ищет, не в аспекте пространства, а времени, не в Природе, а в Истории. Естественно, что в то время, как в этих своих исканиях ветхий человек теол. мирозозерцания устремлялся к «небу», в «потустороннее» — пространственные понятия, новый человек титанич. мирозозер. устремляется в будущее — исходное временное историч. понятие. Отсюда противоположность понятий совершенной жизни у теолог. и титанич. мирозозерцания.

С христианством нечего делать в мире (как и сказано «царство мое не от мира сего»). И оно последовательно, когда зовет от мира уйти. Поскольку же оно этого не делает, оно изменяет самому себе. Таково католичество, которое тем и выше православия, что есть в меньшей мере христианство. Поэтому подлинный христианин-монах, аскет, отшельник. Последовательный христианин хочет спастись, а

не спасать. Последнее принадлежит идее титанич. мирозерцания, идее спасения через Историю. Ибо если теол. мирозер. учит как **спастись**, титаническое — учит как **спасти мир**. Пафос последнего — в воле к организации мира, в Истории; первого в стремлении к «очищению души», в аскезе. Христианство по существу своему — антисоциально, индивидуалистично, — если, конечно, понимать его сокровенно, метафизически, а не поверхностно, моралистически. Поэтому является демагогической ложью, когда теологи-христиане говорят о преобразении мира, когда они безнадежно пытаются «примирить» христианство с культурой, с наукой, искусством, с которыми оно не примиримо. Не показательна ли сама эта необходимость «примирения?». В действительности, преобразование мира — **высшая идея** титанич. мирозерцания. И путь его осуществления — История. Т. о., если путь спасения теол. мирозер. есть путь аскетизма, то путь спасения титанич. мирозер. есть путь Истории. Это значит: дело спасения — личное дело, или дело спасения — Общ. Дело.

Но в титанич. идее преобразования мира, идее организации Истории, как **победы над временем**, в противоположность организации природы, как победы над пространством (идея совр. цивилизации) содержится, т. об., и идея Воскресения, Восстания Бога и следовательно, идея Всеобщего Воскресения. — Могущественнейшая, хотя и незаконно присвоенная идея христианства и величайшая из мировых идей, наиболее древняя и в величии загорающейся новой эпохи — наиболее современная вновь.

История, как Становление, как Восстание, как Воскресение — это синонимы. И идея Становления Бога, Бога Истории есть идея по преимуществу Воскресения. В этом один из главных аспектов ее. С другой стороны, время есть верховный принцип Истории, как пространство — природы. И идея организации Истории, победы над временем, под знаком которой вступает в мир эта новая эпоха, — в победе, следовательно, над смертью, в воскресении. Тема о бессмертии, как тема организации Истории, победы над временем и будет высшей проблемой грядущей эпохи, как организация природы, победа над пространством, является главной темой соврем. эпохи. История, т. об., как победа над временем, есть подлинный **путь к вечности**.

Понятие Бога, есть понятие актуального Всеединства, в особенности в аспекте времени взятого, — следовательно, всеединства того, что было, того, что есть и того, что будет; оно есть понятие Вечности вмещающей все, что было во времени и следовательно, в своем утверждении воспроизводящей все. И действительно, поскольку человеческий дух — неповторимый, незаменимый момент Абсолютного Духа, постольку, в меру своей божественности, вместе с Восстанием Абсолюта не может не восстать и человек. дух. — Восстания, Воскресения Бога нет без Всеобщего Воскресения, как нет суммы без составляющих ее слагаемых, целого без частей. Утвержденная абсолютная жизнь должна в себе вместить все бывшие жизни. Восстание, Воскресение Бога (Становящегося Бога) только объединительное понятие всеобщего восстания, всеобщего Воскресения.

Но поэтому столь же верно и обратное: раз не было Всеобщего Воскресения, раз в мире попрежнему господствует смерть, то следовательно, не было и Воскресения Бога (Христа), не было победы над смертью, что в качестве своей величайшей истины провозглашает христианство.

Вышеозначенное соотношение можно даже свести к двум лишь различным точкам зрения: История (Мировое Становление), рассмат-

риваемая из будущего, со стороны единства, есть Воскресение, Восстание Бога, рассматриваемая из прошлого, со стороны множества, есть Всеобщее Воскресение; будущее же и прошлое, единство и множество — соотносительны, как соотносительны вообще понятия Бога и человека. Также соотносительна идея Восстания — Воскресения Бога и идея Всеобщего восстания — Воскресение. Этой внутренней связью Воскр. Бога и Всеобщ. Воскр. осмысливается та радость христиан, что если Христос воскрес, то значит и «мы воскреснем».

При этом здесь эта связь безразлична к великой альтернативе — онтологического «было» или титанического «будет», хотя в этом все дело. Идея Становящегося Бога — идея будущего Воскресения Бога и следовательно, будущего Всеобщего Воскресения, осуществляющегося в Истории; этим снимается та великая ложь и противоречие в христианстве о Воскресении Бога без Всеобщего Воскресения, о победе над смертью при прежнем безраздельном торжестве смерти.

Таково первое, **онтологическое** доказательство связи Воскресения Бога и Всеобщего Воскресения, доказательство необходимости ее в порядке сущего. Не менее действительным является второе, **моральное** доказательство необходимости этой связи, доказательство необходимости ее в порядке должного.

Бог есть абсолютное добро, абсол. справедливость, абсол. любовь, милосердие и пр. С другой стороны, смерть есть величайшее зло, проявление величайшего уродства, жестокости, насилия, несправедливости. Следовательно, восстание, утверждение Бога нравственно не совместимо со смертью и предполагает ее преодоление — Всеобщее Воскресение. Но также поэтому верна и обратная зависимость, опровергающая центральную идею христианства. — Раз это величайшее зло, смерть попрежнему существует, раз всеобщего Воскресения не было и продолжает оставаться универсальный факт всеобщей смертности, значит не было и Воскресения Бога (Христа), значит нет Бога вообще, как Сущего, иначе этот Бог жесток, зол, несправедлив или немощен и значит он не Бог.

Необходимость Всеобщего Воскресения и победы над смертью вытекает и из всех прочих атрибутов Божества — абсол. полноты, истины, красоты, гармонии, всеединства, правды и т. д.

Наконец, эта моральная и онтологическая необходимость Всеобщего Воскресения, вытекающая из всех атрибутов Божества, встречается с возможностью ее осуществления, обуславливаемой его всемогуществом. Значит он должен и может. Как абсолютное добро, составший Бог должен победить смерть, как абсол. могущество он может ее победить, как абсол. жизнь, он не может ее не победить, ибо абсол. жизнь, которая бы не вмещала все жизни, не была бы абсолютной.

А между тем, победа над смертью в мире происходит; в Мировом Становлении восстает и побеждает жизнь; в непрерывном поединке добра и зла, истины и лжи, гармонии и хаоса, уродства и красоты и т. п. последовательно побеждают добро, истина, гармония, красота, в пределе, значит, абсол. добро, абс. истина, абсол. гармония и красота. Это и означает, что нет теолог. Сущего Бога, но есть титанич. Становящийся Бог, в этом поединке, в Мировом Становлении (Истории) поднимающийся из Земли; нет Пребывания, но есть Становление; нет победы, но есть борьба. Неразрешимая и лживо противоречивая идея Всеобщего Воскресения на почве теологич. мирозозерцания, гармонически, произвольно разрешается на почве титанич. мирозозер. И тогда, следовательно, Воскресения Бога не бы-

ло, но будет; смерть не было побеждена, но будет побеждена; в Истории, в этом Мировом Поединке добра и зла эта победа и осуществляется. Идея Становящегося Бога и есть идея грядущего Воскресения, которое явится апофеозом Мирового Поединка — Истории, идея действительного, всеразрешающего **Пришествия**. И когда оно осуществится, История закончится, «временя, действительно, больше не будет», ибо История и есть преодоление времени, есть Восстание, Воскресение (победа над временем, смертью) — Пришествие.

В самом существенном и общем смысле идея Становящегося Бога, есть т. об. личинная идея Пришествия, — при том не возможного, а осуществляющегося. В «существенном смысле Становление Бога и его Пришествие; в мире Становящийся Бог и в мир грядущий Бог суть синонимы. И таковой всегда была затаенная мысль всех идеальных человеческих чаяний, ожиданий и представлений. — Все величайшие религии, в том, что в них было истинного, были религиями Пришествия. В ответ на вопрос Моисея, об имени Божьем, в библии сказано: «ehjeh asher ehjeh», что буквально значит: «Я буду, который я буду». — Имя Становящегося Бога. Но Пришествие титанич. мирозерцания действительно не как явление теолог. благодати, снисхождения, а как Восстание, как Бунт, как История. В теологич. мирозозер. идея Пришествия — миф, которым определяется пассивное отношение к миру человека; в титаническом — это осуществляющаяся в Истории реальность, которая зовет к активности. Там это чуждое чудо «благодати», здесь — реальная мировая цель, предельный идеал Истории. Христиане двадцать веков в своей высшей молитве зывают: «На придет Царствие Твое!». — А дело в том, чтоб «царство» это осуществить. В этом, в начале отмеченная, противоположность теологического мирозерцания, как мифического и титанического, как реализационного.

Т. обр., как видим, наши построения сплошь проходят в анти-тезах; это радикальное разделение должно внести ясность в современные путанные головы, поклоняющиеся одновременно двум Богам. И тем не менее, при всей полярности теолог. и титанич. мирозерцания, они связаны между собой особой связью. Можно бы сказать, что теолог. мирозерцание становится невозможным больше потому, что становится, наконец, осуществимым. Это вытекает из их взаимоотношения, как взаимоотношения **мифического** и **реализационного** мирозерцания, противопоставляемых тем великим переверотам, о котором говорилось вначале.

В соотношении с выше сказанным история есть двойственный, двуединный пассивно-активный, стихийно-сознательный процесс, процесс одновременного Воскресения и Воскрешения. Каждый акт рождения, возникновения есть акт Воскресения, каждый акт творчества труда есть акт Воскрешения. Этот второй момент напоминает, столь приковывающую совр. повое сознание, идею Федорова, идею Воскрешения — несомненно, наиболее современную русскую идею. Но дело в том, что на почве христианского теолог. мирозерцания Федорова эта идея и не пужна, потому что согласно этому мирозерцанию уже **было** воскресение Христа и преодоление им смерти; и не возможна, потому что по существу своему она делает ненужным и бессмысленным бывшее «воскресение» Христа. В то время, как в титаническом мирозерцании пафос в том, что все — мы, отсюда, в частности, мораль гордости; в теол. христ. мирозерцании все — «Она», отсюда мораль смирения. И потому задаваться целью Воскрешения, значит не верить в воскресение Христа, значит разоблачать лживость

своей христианской веры. Этим обстоятельством искусственности, противоречивости и неукорененности основной идеи Федорова в его нравственно-религ. основах объясняется тот грубо позитивистический способ трактования ее, при котором от нее отдают подобием какого-то промышленно-технич. предприятия, безвкусной фантастикой в духе романов Ж. Верна. Сама то идея не фантастична в качестве предельной и регулятивной идеи Истории, во всяком случае, не более фантастична, чем христианская вера в Воскресение, которую вот уже две тысячи лет исповедует значительная часть человечества. Но фантастичной она может стать от ненадлежащей ее постановки и решения, что и случилось в натуралистической трактовке Федорова.

А между тем, замысел Воскрешения есть замысел титанич. мироз., осуществляющийся в Истории. На почве же теолог. мирозерцания История вообще не нужна, ибо если есть всесовершенный, всеблаженный, всемогущий, всезнающий и пр. Бог, то к чему жалкие, ничтожные усилия человека, к чему вся эта «суета-суета». Именно здесь наиболее непримиримо сталкиваются два извначально противоположных пути Спасения — мифический Богочеловеческий и реальный — Человекобожеский; теологический путь аскезы и титанич. путь Истории, путь «благодати» и путь Творчества-Труда. Есть вообще три типично возможных метафизических и исторических соотношения Бога и человека: Богочеловечество (прошлая эра), человечество (современная эпоха) и Человекобожество (грядущая эра). Богочеловечество — нигилистическое теологич. соотношение, человечество — нейтральное гуманистическое (переходно-промежут.) и человекобожество — положительное титаническое. Путь Спасения указывают лишь два из этих трех типов мироз. Третье — нейтральное гуманистическое (перех.-промеж.) не знает этого пути. Но тот путь, на который вступил Федоров, есть уже путь титанич. мирозерцания, ибо человек поставивший своей задачей победу над смертью, не есть только человек, есть Бог. И именно этой задачей заряжена и полнится вся человеческая мировая история.

П. С. Боранецкий.

Le Gérant : M. Bisnovaty.

Société Nouvelle d'Imprimerie et d'Édition
32, Rue de Ménilmontant, 32. Paris (20°)